

Николай Добролюбов

**Заволжская часть
Макарьевского уезда
Нижегородской губернии**

Николай Александрович Добролюбов

Заволжская часть

Макарьевского уезда

Нижегородской губернии

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3089345

Аннотация

Интерес Добролюбова к очеркам Н. С. Толстого строго направленный: из разнородного материала он выбирает «черты для характеристики русского простонародья». При этом, иногда излишне доверяя знанию автором народа, он соглашается, например, с тем, что у крестьян нет «понятия об общественном интересе», но истолковывает это по-своему – как следствие крепостного состояния. В рецензии на вторую часть «Заволжских очерков» Н. С. Толстого, вышедших в том же 1857 г., критик еще определеннее выразил мысль о том, что «натура» русского крестьянина – «добрая», но искажена «несчастливыми» историческими обстоятельствами.

Содержание

Примечания

23

**Николай Александрович
Добролюбов
Заволжская часть
Макарьевского уезда
Нижегородской губернии**

*Сочинение графа Н. С. Толстого. Том I. Москва,
1857*

Книга эта составляет перепечатку статей, помещавшихся во многих номерах «Московских ведомостей» нынешнего года¹. Они отличаются тем же честным и правдивым направлением, которое привлекло столько читателей к рассказам гг. Щедрина и Печерского², и потому были замечены и прочтены многими с большим интересом. Действительно, статьи графа Н. С. Толстого составляют приятное явление в среде тех литературных произведений, которых ряд открыт был в прошлом году «Губернскими очерками»³. Направле-

---

¹ Очерки Толстого печатались с 5 января по 2 июля 1857 г.

² Имеются в виду «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина и рассказы П. И. Мельникова-Печерского – «Поярков» (1857), «Старые годы» (1857), «Медвежий угол» (1857) и др.

³ «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина печатались в «Русском вестнике» в 1856–1857 гг.

ние, которое ранее других выказал г. Щедрин, в каких-нибудь два-три месяца приобрело себе множество последователей и до сих пор постоянно встречает горячее сочувствие в публике. Но нельзя не сознаться, что такое направление не может быть долговечным в той форме, в какой теперь всего более выражается. Никто не станет спорить, что высшее достоинство юридической нашей беллетристики⁴ последнего времени заключается в ее общественном значении, а не в красотах поэтических. Но общественное значение всех юридических рассказов весьма много теряет под покровом крутогорских, черноборских и малиновских прозвищ. Крутогорск, равно как и Малинов⁵, построен авторским воображением, и воображение вследствие этого распоряжается в своих владениях, как ему угодно. Будь я сам Фейер или князь Чебылкин⁶, вы, обиженный и ограбленный мною, не можете привести меня в суд, с «Губернскими очерками» в руках вместо всяких документов. Я могу вам сказать, что мало ли чего сочинители ни выдумают: на то они сочинители! Разумеется, общественное мнение узнает меня и покарает,

---

⁴ Ироническое определение «обличительной» беллетристики, занимавшейся разоблачением служебных злоупотреблений бюрократии.

⁵ Крутогорск – место действия почти всех «Губернских очерков». Черноборск – место действия очерка «Неприятное посещение» (в разделе «Губернских очерков» «Прошлые времена»). В губернском городе Малинове разворачивается действие «Записок одного молодого человека» (1840) А. И. Герцена. «Прототипом» Крутогорска и Малинова является город Вятка.

⁶ Фейер и князь Чебылкин – персонажи «Губернских очерков».

если мои поступки описаны так добросовестно, как г. Щедрин описывает. Но, к сожалению, подражатели его не всегда так верны действительности. Теперь же многие пускаются в юридическую поэзию,

Наобум, мешая
С былью небылицы⁷.

При отсутствии достоинств чисто литературных это весьма дурно; доверие ко всему рассказу подрывается какой-нибудь неловкой подробностью, и читатель думает: если бы это была правда, то уж так и быть, – но если автор сочиняет, то мог бы сочинить что-нибудь позамысловатее и поинтереснее. А то, право, мы скоро дождемся, что на бедных русских чиновников взвалят криминальные анекдоты всех веков и народов... Недавно, например, один из подражателей Щедрина и Печерского напечатал, будто исправник спрашивал мужика, когда ему легче было – при исправничьем управлении или при окружных, а мужик отвечал: «При вас было тяжелее». – «Да отчего же?» – спросил исправник с досады. «Да как же, – пояснил мужик, – бывало, барана-то взвалишь на плечи, прешь его, прешь к твоей милости, аж лоб взопреет; а теперь возьмешь хворостинку и шутя все стадо стонишь к окружному»⁸. Ну, кто же не знает, что это из во-

---

⁷ Неточная цитата из «думы» А. В. Кольцова «Неразгаданная истина» (1836).

⁸ Добролюбов пересказывает эпизод из повести Г. П. Данилевского «Исправ-

сточной басни – чуть ли не про самого Гарун-аль-Рашида?⁹ И в каких краях лежит эта пастушеская, многоскотинная провинция, где окружной берет взятки с казенных крестьян стадом баранов? Каждый человек, мало-мальски неглупый и привыкший к судейской казуистике, не затруднится, конечно, хоть каждый вечер придумывать по несколько десятков самых замысловатых столкновений чиновников с просителями; но ведь это будет в некотором роде литературный Собачкин¹⁰, рассказывающий о том, как жена мужа высекла вместо девушки. Публика хочет правды; она потому и обрадовалась «Губернским очеркам», что увидела в них правду, жизненную, общественную правду. В последние семь или восемь лет литература наша все толковала о разных смешных случаях, вроде того, что человек поехал на Пески, а попал на Крестовский, да громогласно высказывала «надежды глупые первоначальных лет»¹¹, до которых никому не было дела. Действительная жизнь как будто была заколдована для писателей; они как будто не смели коснуться заповедной почвы и вертелись обыкновенно в тесном кругу сер-

---

ник» (*РВ*, 1857, т. II, с. 140).

⁹ Харун-ар-Рашид (Гарун-аль-Рашид) – арабский халиф, ставший персонажем сказок «Тысячи и одной ночи».

¹⁰ Собачкин – персонаж драматического «Отрывка» (1842) Н. В. Гоголя.

¹¹ Характеризуя эпоху цензурного террора, наступившую после европейских революций 1848–1849 гг. (так называемое «мрачное семилетие» 1849–1855 гг.), Добролюбов приводит строку из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839).

дечных ощущений. В это время появлялись сердца самого разнообразного свойства: слабые и твердые, женские и мужские, без перегородок и с перегородками. Такое направление – сердечное – страшно надоело всем, потому что, оторванное от действительных, жизненных русских интересов, было вяло и бесцветно. Живой голос человека, благородно и дельно заговорившего о том, что близко к нам, пробудил многих; многие тотчас же отозвались на этот голос, как бы обрадованные новым открытием, что можно говорить и еще кой о чем, кроме скромного анализа сердечных ощущений, взятых в отвлечении от общественной жизни. Литература оживилась и привлекла общественное внимание. Но теперь уже напрасно было бы рассчитывать, что публика заинтересуется всяким рассказом, всякой комедией, в которой только говорится о мошенничестве, прикрытом законными формами. Освоившись несколько со способом литературной огласки, публика во всяком самом благонамеренном рассказе требует уже теперь, во-первых, жизненной правды, а не житейских сплетен и, во-вторых, литературного достоинства. Следовательно, по самому естественному порядку дел писатели, одаренные талантом, должны теперь оживлять свои поэтические вымыслы верной и правдивой передачей своих наблюдений над общественными интересами; писателям же, не имеющим литературного таланта – но бывалым и много издававшим, – остается передавать публике свои заметки без особенных притязаний, с одною заботою, чтобы их рассказы

и описания были строго верны и честны...

Граф Н. С. Толстой принадлежит ко второму разряду писателей. Он сам хорошо понял это и потому благоразумно остерегается от искушения облекать свои заметки и наблюдения в форму вымышленного рассказа. Оттого статьи его имеют существенное значение для нравственной статистики того края, который он описывает. Значение их еще увеличивается тем, что автор описывает то, что мог хорошо изучить на опыте. Он много лет прожил в своем имении, в той части Макарьевского уезда, которая граничит с губерниями Костромской, Вятской и Казанской; он разъезжал в собственной лодке по Ветлуге и Волге до Камы, прислушиваясь к рассказам волжских бурлаков; он содержал водяные мельницы на границе Макарьевского уезда и как простой мельник входил в близкие отношения с крестьянами; он сам торговал мукою, солью и пр. в собственной лавке на базаре села Воскресенского. Все это дает ему право на полное доверие читателей и возбуждает в нас полное доверие к его благому намерению поделиться с публикой своей опытностью. Претензии его не велики. «Я пожилой помещик и человек военный, — говорит он, — но ссылаюсь, в оправдание своей решимости, на общественную пользу правдивых описаний. Если хоть что-нибудь из рассказов моих остановит внимание читателей, то этого для самолюбия моего будет уже довольно: значит, не даром небо коптил... А то под старость лет вступил в ополчение, командовал дружиною и думал от-

дать долг свой отечеству, а вместо того разжирел только, не выдав неприятеля...» В «Заключении» своих очерков (помещенном в «Молве», 1857, № 16) он прибавляет: «Устраняя литературное мое достоинство или пороки, не обинуясь скажу: самый предмет этой книги должен иметь интерес животрепещущий, волнующий и возбуждающий каждого истинного сына отечества и грозящий анафемой губящим силы его из грязных, своекорыстных видов...» Из этих строк видно благородное направление автора и благонамеренность его стремлений, вполне искупающие неважные недостатки его литературного изложения. В книжке графа Н. С. Толстого находим довольно много интересных статистических данных – о реках и лесах Макарьевского уезда, о лесной и водяной промышленности, о промыслах рогожном, смоляном и дегтярном, о местной торговле и пр. Кроме того, здесь попадаются чрезвычайно живые страницы, характеризующие быт крестьян, их понятия, поверья, их отношения к местному управлению и т. п. Автор рисует положение крестьян не слишком розовыми красками, хотя он и далек от всяких аристократических предрассудков в отношении к ним. Из множества фактов, представляемых его книгою, видно, что мужик с своею природною сметливостью умел сообразить всю фальшивость того положения дел, в котором он находился, и, чтобы выбить клин клином же, решился и сам фальшивить, сколько возможно. Одно из разительных доказательств этого представляется, между прочим, в воззре-

нии мужиков на статистические сведения, собираемые от начальства. Только заслышавши о приезде господина, составляющего поземельные описи, опытный староста представляет помещику резоны касательно того, что нужно подкупить или просто надуть этого господина. «У него, слышно, – говорит староста, – становой писарь всем делом-то орудует. Так у шабров, у Стружечкиных, и собрали с миру три золотые, да и поклонились писарю~то; он им и написал, да так, слышь ты, написал, что мы только с дива дались! Всю вотчину в болото преобразил! И пашня-то у них будто вся вымочка, и луга-то кислотник, и лес-то корявый. Сказывают, зато с них больно уж мало спросов-то в казну поступит по их убожеству. Так и нам, батюшка, не прикажешь ли уж поклониться там, писарю-то? Заведомо худого не выйдет. А я сам, своими ушами, слышал от земского, как барин-то, Стружечкин, наказывал писарю подпустить в описях такого жучка, чтоб вся вотчина стала ровно опакощена, а то, бает, сдуру-то высказывай им, а другие-прочие затаят, так тебя и расценят... и будешь платить за других..» Как видите, старосту нечего винить: он только благоразумен и понимает свое положение. Около него обман со всех сторон: с какой же стати требовать от него геройства – идти со своей правдой против неправды всех?

К тому же заключению приводит нас и рассказ старого конторщика о ревизоре, присланном в господское имение. Конторщик вечером полез зачем-то в шкаф с бумагами и чуть не поджег их. Когда старик, остерегший его, стал его

упрекать за небрежность, он отвечал: «Да уж один бы конец... а то с нашим-то ревизором не до осторожности!..» Старик, рассказывая об этом, сам замечает, что действительно «плохо дело, когда дела запутаны, а тут еще ревизор придет, да заревет, аки дракон какой, да учнет страшать да грозить. Только скорее вотчину разорят: ведь всякому прикрыться надобно. Так тут и поджогов жди, и других плутен». И в самом деле, при грозном ревизоре, от которого конторщик чуть бумаг не сожег, два раза леса начинали гореть и амбары с хлебом... Уж наконец барин всепрощение объявил, так тут только поутишилось.

Подобный этому случай рассказывает сам граф Толстой об одном форштмейстере, который, частью по глупой честности, частью по простоте, долго не принимал заповедных рощ, которых в натуре не оказывалось. Предлагали ему и сумму в обеспечение, но он все не решался; сумму увеличивали и наконец почти удвоили, мнительный и робкий форштмейстер все сомневался. Так прошло одиннадцать месяцев, и наконец по требованию его приехал ревизор, чтобы все рассмотреть и описать на месте. Но, к несчастью, в это самое время случился пожар в соседнем лесу, ветер был к казенному лесу, и от заповедных рощ даже следов не осталось. И даже самая сумма, предлагавшаяся в обеспечение, в хлопотах затерялась.

В одном месте своей книги автор положительно выказывает свое убеждение, что «всякий беспорядок ведет за со-

бой другие», и в рассказе его представляется немало опытных доказательств этой истины. Он выставляет на вид множество случаев, убедительно доказывающих связь всех дурных явлений в хозяйстве, быте и нравственности мужиков с недостатком общего естественного порядка в их делах и положении. Как и всякий порядочный человек, автор вполне понимает, что мужик по натуре своей вовсе не лишен высших человеческих стремлений, что он обладает замечательным здравым смыслом и нисколько не имеет особенной склонности к грязи, низости, обману и т. п. Все эти и подобные пороки являются в крестьянском быту весьма естественно, вследствие многих обстоятельств их быта. Одно из самых значительных – недостаток правильного, солидного образования и отсутствие всякой возможности получить его, при необходимости, однако, наобум соображаться с некоторыми, и притом не самыми лучшими, результатами цивилизации, принятыми в высших классах... Вследствие этого у крестьян нет живых нравственных убеждений, круг интересов чрезвычайно узок, понятие об общественном интересе почти не существует... Чрезвычайно поразителен контраст между макарьевскими черемисами и русскими, приводимый автором в отношении к правдивости их. Черемисы, живущие в глуши лесов и менее принужденные прилаживать свою простоту к хитросплетенным требованиям образованных искусников, отличаются, по словам графа Толстого, искренностью и чистосердечием, доходящим до наив-

ности. Их поддерживает при этом религиозное убеждение в небесном возмездии за правое дело и во всеведении божества. Если черемис обижен неправым судом помещика или управителя, он спокойно требует от своего противника последнего клятвенного подтверждения и потом, плюнув, говорит: «Ваша бог виде! Наша шайтан виде! Нехорошо буде! Пропадил будешь! Умрил будешь!» – тем и окончит... Такое апатическое равнодушие к собственным интересам во имя покровительства шайтана – тоже, конечно, не совсем хорошо рекомендует народ; но все же тут есть по крайней мере честность убеждения, есть вера в небесную кару, которую в наших мужиках совершенно заменил страх кары физической. «Русачки, – по словам графа Толстого, – путают, облыгают, крестятся, божатся, заклиняются детьми и всякими другими отвратительными способами, как, например, «чтобы глаза лопнули, чтобы утробу разорвало, чтобы провалиться на месте» (в это время другие поддакивают); окончательно же окажется, что вся эта божба была ложь, самая унижительная и оскорбительная для человечества!» И всего более делают это мужики торговые, к которым привилось кое-что из понятий образованности. Они избавились от простодушной веры, управляющей поступками черемиса, но не приобрели взамен ее здоровых, благородных понятий о чести, о значении личности и об общем благе. Поэтому-то надувательство, своекорыстие, низости сделались для них самой обыкновенной вещью. Автор «Макарьевских очерков» выражается на

этот счет очень решительно. «Мошеннические торги и самые мошеннические промыслы, – говорит он, – основанные на лжи, фальши, плутнях и унижениях, развращают и до того затмевают понятия о чести в промышленниках, что эти мелкие торгаши-работники решительно теряют всякое уважение к честному слову и если исполняют его, то не из душевного побуждения, а или из страха ответственности, или из боязни потерять доверие нужного человека, или, наконец, из расчета надуть когда-нибудь позначительнее». Такое мнение подтверждается множеством разнообразных фактов, относящихся уже не только к торгашам, но и вообще к крестьянам-промышленникам. О земледельцах весьма мало говорит автор, потому что в заволжской части Макарьевского уезда, которую он описывает, земледелие развито чрезвычайно слабо, и все крестьяне занимаются по большей части разными лесными промыслами. О самых «коренных лесниках», как называет автор, он отзывается как о людях простых и честных, но промышленники вообще выказывают самое грубое своекорыстие и полное отсутствие чувств справедливости и человеколюбия. В крестьянском быту разыгрывается общая житейская комедия, только еще грубее и отвратительнее, чем в других классах общества. Разжившись кое-как, мелкими и крупными обманами, подлостями и унижениями, мужик не видит иного пути поддерживать свое благосостояние, как теми же средствами. Вследствие этого он бессовестно пользуется обстоятельствами, давит и прижима-

ет того, кто победнее и находится в некоторой зависимости от него, – жертвует важным мирским интересом для своего грошового барыша и подличает перед тем, с кого надеется сорвать какую-нибудь выгоду. Такое явление, кроме общих причин всякого мошенничества, имеет еще в своем основании два обстоятельства, сильно его поддерживающие: во-первых, чрезвычайно стеснительное положение крестьян, которое часто предает их в руки смысленых спекулянтов, называемых в народе *кулаками*; во-вторых, не вполне обеспеченное положение самих капиталистов из простого народа, которые весьма редко могут быть вполне уверены, что их благосостояние будет прочно, если они не станут плутовать. С уничтожением того и другого обстоятельства и поводы к плутовству, конечно, будут весьма значительно уменьшены в нашем крестьянском быту.

У графа Толстого представлено, между прочим, несколько случаев того, как страдает наша промышленность от крестьянских ростовщиков. Вот примеры.

Иногда в вотчинах, – пишет автор, – существует монополия, составленная из вотчинных глав, с богатыми мужиками, как то было в одной вотчине на смолу до приезда помещиков. Тогда в три-четыре года явилось несколько значительных капиталистов, а смольники обнищали. То же повторилось в другой вотчине на брус и бревно. В обоих вотчинах заведовали управляющие... Я видел примеры займов хлеба, где за каждый пуд муки отдавали по 3 1/2 пуда ржи через

три недели! Случай состоял вот в чем. Мука дана была перед самой новью – время самое голодное и безденежное в оброчных и промышленных имениях. В это время водяные мельницы спущены и не мелют: ветра не случилось, подвоза муки – тоже. Мука поднялась до 1 руб. 75 коп. асс. за пуд. Пришла новь; ржи сделалось вволю; потребовали, *стукнули*, по-нашему, оброки: денег взять негде, и рожь подешевела. Сметливые заимодавцы предугадали это и на том караулили своих заемщиков. В условии займов было сказано, чтобы заплатить рожью по ценам, какие будут во время нови. Всеобщая нужда и стакнувшиеся богачи установили на базаре цену в 50 коп. асс. за пуд. Таким образом, заемщикам пришлось отвешивать по три пуда ржи за каждый пуд муки. Таких заемщиков были сотни, а заимодавцев – несколько человек.

Расскажу еще курьезный пример здешней промышленности. Капиталисты разных деревень отпускают иногда соль тем из мужиков, кому верят, по 28 и даже по 32 руб. асс. за куль, глядя по сроку платежа, который никогда не превышает двух-трех месяцев. Но 28 руб. за куль дают за три недели, что испытал я на себе собственно, хотя обходится он в нашем краю 22–23 руб. асс. Мужик купит соль, и в доказательство тому, что принял покупку, вытащит куль за порог амбара и тут же продаст тому же капиталисту за 25 руб. асс. на чистые деньги. Капиталист может один и тот же куль в течение базара продать несколько раз на тех же условиях, перекидывая его через порог и обратно. Но к

чему ведет вся эта проделка, спросите вы, если можно было без выноски и вноски куля дать деньги взаймы и условиться относительно процентов?.. Но тогда назовут ростовщиком, – а теперь ловким торгашом. Вот почему ловкий торгаш нередко синоним отъявленного плута.

В другом месте своей книги автор рассказывает подобную же историю о смольном промысле. Цены на смолу в продолжение нескольких лет постоянно понижались – именно оттого, что крестьяне не могли начать промысел без сильных задатков и вследствие того должны были запродавать смолу с большими уступками. В последнее время цена упала до 17 коп. сер. за пуд, так что крестьянам, по словам автора, физически невозможно было выплатить этим промыслом оброк и быть сытыми. В этом критическом случае граф Н. С. Толстой, помещик 750 душ, решился выдать своим крестьянам 1500 руб. для облегчения начала промыслов, и в пять педель цена на смолу поднялась до 23 коп. сер. за пуд. Цифра эта весьма значительна, прибавляет автор, потому что крестьяне моя накуривают более 20 000 пудов смолы в зиму, а курят целый год.

Из других явлений крестьянского быта весьма сильно поражает в очерках графа Н. С. Толстого полное презрение мужиков к общественным выгодам и нерасчетливая лень, губящая понапрасну драгоценные материалы, которые могли бы доставить миллионные суммы. Автор объясняет это «всегдашней уверенностью в прокормлении, которое всегда под

руками, лишь возьми топор», – потому что во всем краю находится огромное количество лесных угодий. Но едва ли справедливо будет предполагать так решительно, будто обилие материала непременно предполагает безусловное неумение им пользоваться. Без сомнения, и здесь имеют большую важность многие побочные обстоятельства. Мужички не считают преступлением жечь лес, кольянить рыбу по целой речке, вырезывать скотину в стаде без пастуха, подрубать дубы для сбирания с них желудей и т. п., не только по беспечности, но и по отсутствию в них понятия об общественном интересе, – не только по причине изобилия, но и по непривычке рассчитывать вдаль о своем житье-бытье. Они говорят, что все они божи, господские и государевы, что как ни хлопочи, а чему быть, тому не миновать – выше лба уши не вырастут; а между тем кому много дано, с того много и взыщется... Что ж тут стараться об улучшениях, на что ж тут беречь лишнее добро? Было бы чем оброк заплатить да сыту быть без особенных затруднений, а там хоть все огнем погори. И вот мужик, стараясь всячески облегчить свою работу, принимается за промыслы способами, какие описаны автором «Макарьевских очерков». Он поджигает лес, чтобы больше оказалось пеньков для смолья, чтоб больше выросло малинника или чтобы на горелях разрослась трава кипрей с розовыми цветочками, которую пчелы любят. Он курит смолье ямами, чтобы не заводиться казаном или котлом, хотя при ямном курении лесного материала истребляется несрав-

ненно больше. Он подрубает под корень березы, чтобы снять с них бересту для дегтя. В Семеновском уезде Нижегородской губернии делают ложки из осиновых узорочных пней. Чтобы достать такие пни, мужички ходят по лесу да и подрубают сплошь каждую осину, чтобы посмотреть, какой пенек у нее. Узорочные пни очень редки, и потому один мужик может в день перепробовать до сотни осин. Все таким образом испробованные деревья становятся негодными, засыхают и сламываются ветром. По словам автора, их такое страшное количество оказывается в год, что едва ли пятьсот промышленников, корытных, чашечных, лопатных и других, в состоянии были бы подобрать осины, испорченные двадцатью ложечниками в одинаковое время. В одной вотчине из 3600 душ при 63 000 десятин земли знакомый автору помещик потребовал, чтобы крестьяне доставили по полгарнцу желудей с тягла для заведенной им пары англо-китайских свиней. Мужички пошли да и подрубили тысячи дубов, да еще в таком месте, откуда лесу решительно никакого сбыта не могло быть: «Досягать, дескать, меледненко, а божье дерево, господь даст, – вырастет...» При таком обращении с лесом не стоит уж и говорить о том, сколько его вывозится и сплавляется по рекам, безданно, беспощинно, из господских и казенных владений.

С той же нерасчетливостью производится рыбный промысел. Несмотря на запрещение закона, рыбу до сих пор ловят «черными снастями» и «куколевой». В черных снастях на

бечевку огромной длины, иногда на версту и даже более, на- низываются удочки, в расстоянии четверти аршина одна от другой. Рыба задевает за уду и таким образом ловится. Но часто она срывается и раненая мечется вокруг снастей, спугивая прочую рыбу и нередко загоняя ее на те же крючья. Рыбы при этом ранится множество, и часто она околевает без всякой пользы для лова... Куколевана еще хуже: это отрава, бросаемая в воду в шариках хлеба. Рыба проглатывает шарики и, отравленная, выскакивает на поверхность, где ловцы забирают ее саками. Очевидно, что гораздо больше рыбы унесет течением и потонет, нежели достанется в руки рыбаков; притом отравленная рыба спугивает всю остальную, так что, по замечанию автора, «решительно вся рыба надолго скрывается из мест, где была отравливаема».

Все эти явления не слишком утешительны, но тем выше заслуга автора, не убоявшегося представить их на общественный суд. Прошло уже для нас время, когда мы просили баюкать нас колыбельными песнями; пришла и нам пора учиться и узнать о себе что-нибудь серьезное. Корень учения горек – правда; но что же делать? без корня и плодов не дождешься. Если же побольше будет являться у нас таких правдивых и серьезных очерков различных местностей, каковы очерки графа Н. С. Толстого, то подобные произведения, без сомнения, принесут свои полезные плоды. Автор обещает скоро издать вторую часть своих очерков. Желаем, чтоб это обещание скорее было исполнено: опытность автора и благород-

ство его направления дает ручательство, что и вторая часть будет интересна не менее первой.

Примечания

Условные сокращения

Все ссылки на произведения Н. А. Добролюбова даются по изд.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах. М. – Л., Гослитиздат, 1961–1964, с указанием тома – римской цифрой, страницы – арабской.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I–XIII. М., Изд-во АН СССР, 1953–1959.

БдЧ – «Библиотека для чтения»

ГИХЛ – Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. I–VI. М., ГИХЛ, 1934–1941.

Изд. 1862 г. – Добролюбов Н. А. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), т. I–IV. СПб., 1862.

ЛН – «Литературное наследство»

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 гг. (Н. Г. Чернышевским), т. 1. М., 1890 (т. 2 не вышел).

ОЗ – «Отечественные записки»

РБ – «Русская беседа»

РВ – «Русский вестник»

Совр. – «Современник»

Чернышевский – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах. М., Гослитиздат, 1939–1953.

Впервые – *Совр.*, 1857, № 10, отд. IV, с. 36–46, без подписи.

Рецензируемая книга – первое произведение Н. С. Толстого, очеркиста, троюродного брата Л. Н. Толстого. Черты биографии и личности Н. С. Толстого запечатлены в книге его родственника А. И. Дельвига «Мои воспоминания» (т. 1–3. М., 1912–1913). Несмотря на существенные недостатки – отсутствие общей идеи, сумбурность, повторы, – очерки пользовались успехом, благодаря новизне и разнообразию материала (описанию нравов, поверий нижегородского Заволжья, раскольничьих скитов, крестьянских промыслов, торговли и др.), живому разговорному языку (автор диктовал свои сочинения) с включениями местной народной речи. Л. Н. Толстой с похвалой отозвался об очерках в дневнике («Славно». – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 47. М., 1937, с. 161), а в письмо к В. П. Боткину от 1 ноября 1857 г. он, как и Добролюбов, хотя и в другом, отчасти ироническом контексте, поставил Н. С. Толстого в один ряд с М. Е. Салтыковым-Щедриным и П. И. Мельниковым-Печерским. Интерес Добролюбова к очеркам Н. С. Толстого строго направленный: из разнородного материала он выбирает «черты для характеристики русского простонародья». При этом, иногда

излишне доверяя знанию автором народа, он соглашается, например, с тем, что у крестьян нет «понятия об общественном интересе», но истолковывает это по-своему – как следствие крепостного состояния. В рецензии на вторую часть «Заволжских очерков» Н. С. Толстого, вышедших в том же 1857 г. (см.: II, 148–158), критик еще определеннее выразил мысль о том, что «натура» русского крестьянина – «добрая», но искажена «несчастливыми» историческими обстоятельствами.

В последней своей книге «Шесть вечеров с разговором плантатора и меланхолика» (М., 1859) Н. С. Толстой отстаивал интересы помещиков в предстоявшей крестьянской реформе. В примечании, к № 4 «Свистка» Добролюбов привел как не нуждающуюся в комментариях выдержку из этой книги о допустимости телесного наказания в крестьянской общине (см. VII, 431–432), а в статье «Черты для характеристики русского простонародья» (наст. изд., т. 2), дал соответствующую оценку этого труда Н. С. Толстого.